

Н.Н. Муравьев

**Русские на Босфоре в 1833
году**

Из записок Н. Н. Муравьева

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Муравьев**
Русские на Босфоре в 1833 году: Из записок Н. Н. Муравьева / Н.Н. Муравьев –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 572 с.

ISBN 978-5-458-54551-8

ISBN 978-5-458-54551-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

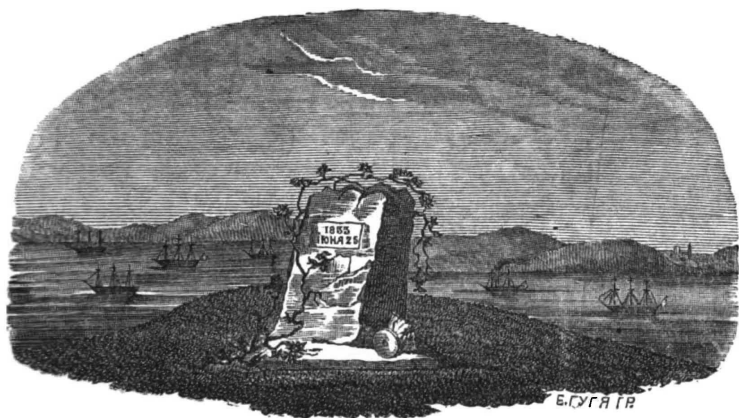
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

**ПАМЯТНИКЪ
ПРЕВЫВАНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ НА ВОСФОРЪ,**

(стръ 411 и 088).

ГЛАВА I.

Пребываніе въ Петербургѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1832-го года было получено въ Петербургѣ извѣстіе о пораженіи Турокъ подъ Гомсомъ; за симъ слѣдовали тревожныя вѣсти о дальнѣйшихъ успѣхахъ побѣдителей, занятіи Аданы и быстромъ движеніи Ибрагима-паши къ тѣснинамъ Тавра. Столь блистательные успѣхи Египетскаго паши противъ султана предвѣщали въ Оттоманской имперіи переворотъ, который могъ имѣть вліяніе на спокойствіе Европы. Обстоятельства сіи всего болѣе касались Россіи; но прозорливость Государя прежде другихъ постигла послѣдствія, которыя могли произойти отъ ослабленія Порты, послѣ Адрианопольскаго мира. Его одного, среди совѣтниковъ и окружающихъ вельможъ, озабочивали сіи обстоятельства. Цѣль Его была остановить на первыхъ порахъ быстрые успѣхи паши, впредь до принятія прочнѣйшихъ мѣръ къ сохраненію владычества султана. Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣнія, увидѣлъ необходимость совершенно измѣнить относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра Великаго.

Находясь въ то время въ Петербургѣ, въ отпуску, я располагалъ уже выѣхать обратно въ Тульчинъ, къ 24-й пѣхотной дивизіи, коей былъ начальникомъ, какъ узналъ отъ графа Бенкендорфа, что выѣздъ мой долженъ отмѣниться, по случаю возлагаемаго на меня Государемъ порученія (по-

дробностей не считалъ онъ себя въ правѣ объяснить) и въ то же время дежурный генералъ увѣдомилъ меня запискою о волѣ Государя, чтобъ я оставался въ Петербургѣ по надобностямъ службы, впредь до особаго назначенія.

Мнѣ желательно было предварительно узнать, какого рода могло быть порученіе, для того чтобы имѣть время изготавиться къ какому-либо внезапному и дальнему путешествію. Военный министръ, у коего я нарочно по сему случаю былъ, повидимому, самъ не зналъ предначертаній Государя, возродившихся, какъ выше сказано, отъ собственныхъ соображеній Его Величества и хранившихся нѣкоторое время въ совершенной тайнѣ. Я могъ только узнать отъ министра, что буду въ сношеніяхъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельроде; отъ графа же Алексѣя Федоровича Орлова, которому, казалось, Государь сообщилъ свою мысль, слышалъ, что порученіе будетъ касаться Востока.

Вскорѣ послѣ того, военный министръ письменно предложилъ мнѣ явиться къ министру иностранныхъ дѣлъ, который объявилъ мнѣ вкратцѣ порученіе Государя, заключавшееся въ передачѣ угрозы отъ имени Его Величества Египетскому пашѣ, дабы тѣмъ остановить быстрые успѣхи его въ военныхъ дѣйствіяхъ. Графъ Нессельроде объяснялъ, что нашествіе Египетскаго паши грозило паденіемъ Турецкой имперіи, коей слабое и разстроенное состояніе было самымъ лучшимъ поручительствомъ спокойствія нашихъ южныхъ границъ, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ Европы и предвидѣвшейся всеобщей войнѣ по дѣламъ Бельгій. «Завоеваніе Турціи Мегмедъ-Али-пашею», говорилъ онъ, «могло бы, съ возведеніемъ новаго лица на престолъ турецкій, возродить новыя силы въ семъ упадающемъ царствѣ и отвлечь вниманіе и силы наши отъ дѣлъ Европы, а «потому Государя особенно занимало удержаніе султана на колеблющемся престолѣ его».

Кто знаетъ графа Нессельроде, тому извѣстно, сколько че-

ловѣкъ сей нерѣшителенъ; въ подобныхъ разговорахъ онъ всячески устраняетъ отвѣты на дѣлаемые ему возраженія или вопросы, какъ бы откладывая отзѣвы свои до другаго раза, и опасаясь дать ихъ, безъ посредничества совѣщателей, отъ которыхъ, по видимому, мнѣнія его зависятъ. Здѣсь правила его были еще болѣе замѣтны; ибо въ разговорѣ не могло укрыться, что онъ, въ семь случаевъ, былъ единственно исполнителемъ собственныхъ мыслей Государя, коихъ пользы, онъ, казалось, не признавалъ, какъ всякой мѣры рѣшительной, грозящей смутными послѣдствіями.

Сличая рѣчи его со свѣдѣніями, доходившими до меня постороннимъ образомъ, можно было заключить, что первая мысль Государя была — послать немедленно войска въ помощь султану; но онъ пріостановился въ томъ, какъ по многотрудности экспедиціи, такъ и по неувѣренности, приметъ ли съ удовольствіемъ такое дѣятельное участіе въ дѣлахъ Турціи самъ султанъ, недовѣрчивый къ дружбѣ Государя. Казалось, что мысль объ угрозѣ Мегмедъ-Али-пашѣ была уже послѣдствіемъ сего перваго предположенія; но и къ допущенію сей мѣры нужно было согласить султана, который могъ опасаться, чтобы подъ симъ предлогомъ не скрывались какія-либо тайныя дружественныя сношенія съ Египтомъ, во вредъ Портѣ.

Когда такимъ образомъ объяснилось въ общихъ очеркахъ порученіе мое, графъ Нессельроде спросилъ, приму ли я на себя исполненіе его, и, по изъявленіи готовности моей исполнить волю Государя, онъ сказалъ, что доложить о томъ Его Величеству и пришлетъ ко мнѣ вчернѣ написанное наставленіе, чтобъ я могъ сдѣлать на немъ тѣ замѣчанія, которыя сочту нужными, для пополненія или измѣненія нѣкоторыхъ предметовъ.

Меня увѣряли, что дѣло сіе требовало весьма большой поспѣшности; однако же, обѣщанное наставленіе было прислано ко мнѣ только чрезъ нѣсколько дней, съ требованіемъ

скорого отвѣта. Я прочиталъ его; оно было болтливо: наполнено изворотливыми выраженіями, неопредѣлительностями и двусмысленностями, какъ обыкновенно пишутся у насъ дипломатическія бумаги. Сначала заключался, въ сей инструкціи, краткій обзоръ состоянія дѣлъ, далѣе излагались опасенія Двора нашего, чтобы со сверженіемъ султана съ престола не лишиться выгодъ, приобретенныхъ нами посредствомъ Адрианопольскаго трактата, и чтобы Царь-градъ не сдѣлался пристанищемъ сословія безпокойныхъ людей, изгнанныхъ изъ своего отечества и нашедшихъ пріютъ въ Египтѣ; наконецъ мы опасались сосѣдства могущей возродиться сильной державы, вмѣсто разслабленной Турціи. Въ инструкціи выставялось выгодное впечатлѣніе, произведенное въ Портѣ вызовомъ изъ Александріи консула нашего Лавизона. Лавизонъ доносилъ, что, при послѣднемъ свиданіи его съ Мегмедомъ-Али, паша выразился въ слѣдующихъ словахъ: «Удаленіе ваше, «безъ сомнѣнія, знаменуетъ дѣйствія Двора, твердаго въ до-«говорахъ своихъ и неизмѣннаго въ правилахъ: я опасаюсь, «чтобы Россія не оказала вспомошествованія султану. Всѣ «разсчеты мои чрезъ то разстроятся; тогда бы надобно мнѣ «остановиться; но я увѣренъ, что Дворъ вашъ не отозвалъ «бы консула своего, еслибъ ему извѣстны были успѣхи мои «въ Сиріи». — Мое посольство должно было служить отвѣтомъ; мнѣ вручалось подлинное письмо Государя къ султану. Порученіе мое заключалось въ двухъ предметахъ: во первыхъ, убѣдить султана въ искренности намѣреній нашего Двора, и во вторыхъ, склонить пашу Египетскаго къ миру.

Дѣйствуя по первому предмету, я долженъ былъ, совокупно съ нашимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бутеневымъ, отклонить мысль, которая могла бы возродиться у султана, что мы принимаемъ участіе въ дѣлахъ его, единственно съ намѣреніемъ вмѣшаться въ дѣла Востока; что мы, соревнуя Англичанамъ, у коихъ уже султанъ просилъ пособія, ста-

раемся предупредить ихъ. Между тѣмъ не должно было предлагать ни участія, ни прямыхъ пособій: мнѣ должно было поставить на видъ султану, что Государь, не допуская въ своихъ дѣлахъ участія постороннихъ державъ, не домогается также участія въ дѣлахъ чужихъ, и подтвердить собственныя выраженія Его Величества, помѣщенные въ письмѣ къ султану, что—Онъ «врагъ возмущенія и вѣрный другъ султана». Это же выраженіе долженъ я былъ передать и пашѣ Египетскому. Мнѣ ставили на видъ, что порученіе мое не состояло въ дипломатическихъ переговорахъ, но что предметомъ его было одно слово Государя, которое, чрезъ посредство мое, должно было поразить пашу и внушить ему благія намѣренія.

Видѣтъ съ тѣмъ, поставляли мнѣ въ обязанность—быть умѣреннымъ въ разговорахъ съ пашею, но требовать немедленнаго превращенія военныхъ дѣйствій на сухомъ пути и на морѣ, чѣмъ единственно могъ онъ изгладить негодованіе Государя на него. Еслибы паша согласился на мои представленія и предложилъ мнѣ посредничество, для примиренія его съ султаномъ, то—не принимать на себя этой обязанности, но склонить его, чтобы онъ прямо обратился къ Портѣ, ибо Государю неприлично было принять на себя посредничество между султаномъ и пашею. Въ семъ случаѣ, цѣль посольства моего была бы уже достигнута, остальное должно было довершиться временемъ. Но еслибы паша сталъ отговариваться отъ исполненія сего, то я обязанъ былъ объявить ему, что, каковы бы ни были успѣхи преступныхъ его намѣреній, рѣшеніе Государя не измѣнится, что даже, еслибы ему и удалось свергнуть султана, то Россія поддержитъ силою оружія правъ, приобрѣтенныя договорами ея съ Портою.

Мнѣ предписывалось по возможности сократить время пребыванія моего въ Царѣградѣ на пути въ Египеть, отъ чего зависѣлъ отчасти успѣхъ въ дѣлѣ, и поспѣшить возвращеніемъ въ Константинополь, для увѣдомленія Министерства

Иностранныхъ Дѣлъ о послѣдствіяхъ моего посольства въ Египеть; наконецъ, каковы бы они ни были, сказано было въ инструкціи, предпринимаемыя мѣры влонились къ убѣжденію всѣхъ, что судьбы Востока не рѣшаются безъ участія Россіи.

Въ концѣ книги находятся копіи съ подлиннаго наставленія, даннаго мнѣ подъ буквою А, съ приложеніемъ донесенія консула Лавизона подъ буквою В.

Перечитывая данное мнѣ наставленіе и вникая въ содержаніе его, я всего болѣе былъ пораженъ ожидаемымъ успѣхомъ отъ угрозы, не поддержанной немедленнымъ отправленіемъ войскъ, о коихъ даже не упоминалось. Паша могъ насмѣяться надъ сею угрозою, и чѣмъ тогда поддержать ее? Догадываясь о цѣли моего порученія, или узнавъ отъ него постороннимъ образомъ, онъ могъ даже и совѣмъ не принять меня; какое тогда предстояло средство для объявленія ему воли Государя? Другой предметъ также казался мнѣ болѣе чѣмъ страннымъ: въ концѣ инструкціи предписывалось мнѣ въ послѣдней крайности объявить нашѣ, въ ясныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ, что еслибъ онъ ниспровергъ и престолъ султана, Россія, непоколебимая защитница правъ своихъ, пріобрѣтенныхъ Адрианопольскимъ трактатомъ съ Портою, силою оружія поддержала бы ихъ противъ всякаго нарушителя. Чтобы оставалось мнѣ дѣлать, еслибъ наша отвѣчалъ мнѣ на сіе, что онъ, съ низверженіемъ султана, счелъ бы обязанностію сохранить во всей силѣ договоръ нашъ съ Портою, и доказалъ бы мнѣ собственными монми словами, что на меня возлагалось защищать не султана, а трактатъ Адрианопольскій? — что было бы совершенно противно всей цѣли посольства; ибо мы въ такомъ случаѣ пріобрѣтали именно то, чего опасались, т. е. вмѣсто султана, сосѣда сильнаго и безпокойнаго. Я записалъ эти два замѣчанія на поляхъ присланной мнѣ инструкціи и отвезъ ее графу Нессельроде, который нашелъ ихъ справедливыми и обѣщалъ исправить сіи статьи.

Графъ Орловъ пользовался тогда большою довѣренностью у Государя; онъ не занималъ какого либо опредѣленнаго мѣста при дворѣ или въ совѣтѣ государственномъ, но принималъ въ то время участіе въ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ, по сношеніямъ съ другими дворами, и потому имѣлъ сильное вліяніе въ дѣлахъ. Новыя обстоятельства, которыя ему болѣе были извѣстны, чѣмъ другимъ, сблизили меня съ нимъ; онъ показывалъ много благонамѣренности и готовности быть мнѣ полезнымъ въ предстоявшихъ сношеніяхъ. Я совѣтовался съ нимъ по всеѣмъ предметамъ, касавшимся моего посольства.

Полагаю, что онъ сблизился со мною, по государеву приказанію, на которое онъ однакоже никогда не ссылался; но я счелъ нужнымъ предупредить о томъ вице-канцлера Нессельроде, который одобрилъ сношенія мои съ графомъ Орловымъ. Ловкость и обходительность сего царедворца привлекательны; я не могъ никогда себѣ объяснить вполнѣ причинъ, побудившихъ его къ принятію столь близкаго участія во всеѣмъ, что тогда до меня даже лично касалось; но во мнѣ возродилась невольнымъ образомъ мысль, что порученіе сіе было сперва возложено на него и что онъ, уклонившись отъ сего посольства, сомнительнаго въ успѣхѣ и сопряженнаго съ трудами, предложилъ меня Государю, какъ человѣка, болѣе знакомаго съ дѣлами Востока. Я часто видѣлся съ графомъ Орловымъ, жившимъ тогда въ моемъ сосѣдствѣ, и сообщилъ ему мнѣніе свое на счетъ инструкціи; онъ находилъ сужденія мои основательными и требовалъ отъ графа Нессельроде исполненія, по сдѣланнымъ мною замѣчаніямъ. Неменѣе того, когда я изображалъ графу Орлову неопредѣлительность всего порученія, то онъ говорилъ, что самъ не постигаетъ цѣли, и какого можно ожидать отъ исполненія его успѣха, но что на сіе была собственная воля Государя; и такъ графъ Орловъ, въ то время, мнѣніемъ своимъ также не согласовался съ мыслию Государя. Никто не предвидѣлъ тогда важныхъ послѣдствій сего посольства, и все опорочивали мѣру сію.

По волю Его Величества и съ распоряженія военнаго министра, былъ назначенъ для состоянія при мнѣ гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Дюгамель, котораго однакоже снабдили особеннымъ наставленіемъ, опредѣлявшимъ занятія его; а мнѣ велѣно содѣйствовать ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Дюгамелю поручалось, на пути изъ Одессы въ Константинополь, собраніе свѣдѣній о положеніи Турецкихъ крѣпостей и о мѣрахъ, принятыхъ для возстановленія ихъ, послѣ заключенія мира съ Портою. Въ Константинополѣ онъ долженъ былъ озаботиться собраніемъ свѣдѣній о состояніи Турецкихъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Ему было сказано, что изъ Константинополя онъ будетъ мною отправленъ въ Египетъ сухимъ путемъ, чтобы обозрѣть дѣйствующія силы Турціи, состояніе Сиріи, узнать о духѣ жителей ея и положеніи Египетской арміи. Въ Египтѣ онъ долженъ былъ узнать о морскихъ и сухопутныхъ силахъ Мегмедъ-Али-паши и о способахъ, какіе онъ имѣетъ для продолженія войны;—всѣ сіи свѣдѣнія обязанъ онъ былъ доставить прямо отъ себя военному министру; мнѣ же предоставлялось сообразить данныя ему порученія съ обстоятельствами, такъ чтобы не подвергнуть его очевидной опасности.

Дюгамель былъ человекъ весьма образованный и трудолюбивый, но не имѣлъ той опытности, какая потребна въ такихъ случаяхъ; онъ дурно зналъ по-русски, былъ сложенія слабаго и по нелюдимости своей, всего менѣе способенъ къ обхожденію съ Азіятцами и пріобрѣтенію довѣренности, что казалось необходимымъ. Служебныя отношенія его ко мнѣ были также весьма двусмысленны, и хотя онъ исполнилъ нѣкоторыя письменныя порученія, мною ему данныя, но въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, предпочелъ бы я имѣть при себѣ офицера, менѣе образованнаго, но болѣе свыкшагося съ дѣлами и менѣе равнодушнаго къ успѣху главнаго дѣла.

Медленность, съ которою изготовляли поспѣшное отправле-